

2207

# НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ НИЗАМИ

Постановление ЦК КП Азербайджана о расширении изучения и популяризации творческого наследия Низами определило перелом в развитии низамиведения в нашей республике, явилось свидетельством заботы партии о дальнейшем освоении духовного богатства, заключенного в нашем классическом наследии. Благодаря этой заботе и вниманию 840-летие Низами вылилось в незабываемое торжество поэзии.

Изучение творчества Низами рассчитано на длительную перспективу. К 850-летию поэта мы должны прийти с новыми исследованиями, монографиями, посвященными его жизни и творчеству и, конечно же, с новыми переводами Низами.

Важную и неотъемлемую часть творческого наследия Низами составляет его лирика — газели и касыды, которые восхищают богатством содержания, непосредственностью чувств, искренностью, музыкальностью, красочными сравнениями и образами. В них убедительно раскрывается внутренний мир человека во всей его сложности, что делает лирику Низами близкой и понятной для современного читателя.

Качество имеющихся переводов лирики Низами оставляет желать лучшего: некоторые из них неточно передают оригинал, другие устарели, не выдержав испытания временем. Поэтому предстоит большая работа по дальнейшему совершенствованию пе-

реводов лирики Низами на русский язык, и с этой точки зрения надо приветствовать появление новых переводов.

В этом плане для читателей, несомненно, представят интерес новые переводы газелей Низами, сделанные бакинским поэтом Николаем Хатунцевым. Их бесспорным достоинством является точная передача смысла и системы образов оригинала, а также поэтичность и богатство интонаций, присущие лирике Низами.

**Рустам АЛИЕВ,**  
заведующий отделом низамиведения Института литературы имени Низами Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженный деятель науки, профессор.

Любовь моя обширна, а грудь, увы, тесна.  
Мой конь уже хромает — дорога так длинна.

Одна душа, а сотни и тысячи скорбей,  
На тысячи фарсангов\* — стоянка лишь одна.

И впереди колодец, таящий сотни бед,  
И лишь одна смекалка, как посох, нам дана.

Развеяны по ветру достоинство и честь,  
Деяний наших книга, как ночь, темным-темна.

И от боязни бога остался только вздох,  
В заплатах власяница, и грудь обнажена.

И коврик для молитвы в кувшин упал на дно,  
Бутылъ разбита камнем, и вот — пуста она!

Потеряно все сразу: и вера, и покой,  
Сию, как оглушенный, все проиграв сполна.

О Низами, не сетуй из-за своей любви,  
Мир избери уделом — к чему тебе война!

\* Фарсанг — мера пути, равная 6—7 км.

\*\*\*

Газелеокая! На львов охотиться пристало ей, —  
Тогда и тот, в ком сердце льва, с бедой подружится тесней.

Ресницы-стрелы приподняв, она не спустит тетивы,  
Но, даже не взлетев, они мне сердце ранят все больней.

Лицо кумира увидав, я власяницу разорвал,  
Хоть не пригубил я вина, но — что за чудо! — стал  
хмельней.

Железносердая! Ее я лишь о верности молю,  
Мое же сердце из стекла — мишенью служит для камней.

Разбито сердце, но таит сокровищницу горьких мук,  
Она покоится, как клад, в душе истерзанной моей.

Стремись к любимой, Низами, и к мукам этим притерпись —  
Того, кто розу возжелал, не устроят шипы на ней.

Перевел Н. Хатунцев.